

Владлен Лядский
УСИЛИТЕЛИ СМЫСЛА

16+

Владлен Лядский

Усилители смысла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56589713

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда во что-то запрессовано много смысла, то оно начинает пытаться жить собственной жизнью. Особенно, когда этого никто не видит. Давно не видит. А потому на дальних перегонах без чертовщины ну никак не обойтись.

Содержание

Необходимое предисловие	4
Пролог	6
Место первое. Прохладность воды	29
Место второе. Становой хребет	44
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Необходимое предисловие

Эта книга никак не связана с коронавирусом или какой другой масштабной эпидемией, пандемией или фобией. Просто так уж совпало по времени – корона и финальный рывок. Чумные каникулы, знаете ли. В их период всегда тянет сделать что-то масштабное.

Книга замыслена и исполнена как психоделик, поэтому не рекомендуется людям с нарушенной психикой. Людям впечатлительным или с некрепкими нервами рекомендуется читать её днём, без соответствующего звукового сопровождения и не в одиночестве. Не хотелось бы, что бы кто-нибудь из-за этого пострадал.

Остальные могут делать всё, что сочтут нужным – читать вечером или ночью, завернувшись в плед и создавая себе настроение соответствующей музыкой. А также одевать наушники и не задёргивать шторы.

Более того, я бы даже рекомендовал это сделать – гораздо легче будет погрузиться.

Единственная просьба – не читать быстро. Иначе не будет необходимого эффекта. Торопиться некуда и незачем, а фразы закручиваются так, чтобы было удобно мыслям. А они длинные, сложные и витиеватые.

Также хотелось бы выразить благодарность (а теперь и светлую память) Олегу Парастаеву и Александру Зацепину

– без их композиций этой книги просто бы не получилось. А также всем прототипам, которые так или иначе были упомянуты в тексте.

Да, если кому-то вдруг потребуется – список тематической музыки приведён в конце.

Всё, всё, более не отвлекаю.

Пролог

Знаешь, я думаю тебе нужно лишь умереть, чтобы получить признание.

Посмотри на историю сам. Кого ты там видишь? Великих мертвецов.

Когда ты мёртв, это становится интересно.
Локи. 6,5

А может, в мире иная чередa?

И не уходим мы отсюда,

А возвращаемся туда?

Эпиграмма неизвестного автора

Началось с того, что люди стали спокойно умирать. Прощались с близкими, ложились, складывали руки поудобнее и тихо отходили.

Кто-то искренне оплакивал усопшего, кто-то произносил пустые пышные речи, кто-то быстро и деловито закапывал тело, пока не завоняло. Современный мир весьма рационален и циничен, чтобы утруждать себя ещё чем-то.

Дальше люди стали умирать. Везде, всегда и без особой причины. Кто сидел, тот падал лицом на стол, руль или станок. Кто лежал – ложился поудобнее. Кто стоял – прислонялся, закрывал глаза и медленно сползал вниз.

В связи с участвовавшими авариями чрезвычайные службы не знали покоя. Но вскоре их транспорт переквалифицировался в труповозки – потому что на месте аварий были только люди с лёгкими ранениями да остывающие трупы со спокойной и светлой улыбкой на лице.

Косило всех. Косило везде. Тот, кто спасался в закрытых бункерах, подводных лодках и других труднодоступных и защищённых местах, имел одно отличие от остальных – похоронить его было некому.

Ни болезни, ни возбудителя так и не нашлось. Люди просто спокойно умирали, достойно отходя в мир иной. И создавалось впечатление, что кто-то большой и могущественный забирает людей самым простым и добрым способом.

Потому что живыми на небо берут только праведников.

В короткое время вымерло восемь десятых людей. Если наложить статистику, чтобы выяснить, какой особенностью обладали выжившие – ничего не получилось бы. Просто не умер человек и всё.

Вслед за смертями пришло уныние. Никогда ещё людям не демонстрировалась их беспомощность перед лицом обстоятельств. Исторический цикл должен был дать взрыв пассионарности – эдакий период малых и больших бунтов, срывания устоев, возникновения новых народностей и новых целей. И религиозных течений.

Где-то это было, но всегда где-то в стороне от конкретно каждого человека. Наверно, просто слухи. Или привычное

людям преувеличение.

Вездесущие секты притихли – никакая доктрина не предусматривала столь гуманный конец. И ещё ни перед каким пастырем так явно не вставал принцип «ты будешь следующим». И никто не мог чувствовать себя в безопасности, неся слово Божье.

Людей, чтобы поддерживать всю машину всемирных деловых отношений, перестало хватать. Они слишком быстро умирали, чтобы она успела эволюционировать. Многие экономические взаимоотношения потеряли смысл – оставшаяся часть ещё долго могла пировать на том, что изготовлялось с запасом для целого.

Топливный кризис отодвинулся в заоблачные дали сотен лет. Экологические проблемы деться никуда не могли, но ухудшаться стремительно перестали. Личные связи порвались, пробки рассосались, торопиться вновь стало некуда.

Но для людей, которым вечно кто-то мешает, досталось слишком места под солнцем. Больше, чем рисковали переварить.

Наверно, это было время, когда волевым порывом можно было изменить жизнь к лучшему, направить человечество к звёздам или просто научить не кидать мусор мимо урны. Наверно. Но лет через несколько. Может, даже несколько десятилетий, когда сменится поколение, открытие станет данностью, и не будет давить на сознание.

А пока... пока много людей, сорванные со своих мест, не

спешили вновь вкапывать свои обожженные корни где-то. Не все верили, что эпидемия кончилась.

Интернету, после того как доказалось, что он был контролируем, верить перестали. Любая другая связь, дающая возможность понять, что общаешься с живым человеком, утратила смысл – ведь с восьмидесятипроцентной вероятностью завтра его могло уже не быть.

Непросто общаться с будущим мертвецом.

Единственное, чему оставалось верить – собственные ощущения. Те, кто не верили и в них – стали первыми жертвами новой фобии.

А кто верил – сорвались в путешествия. Транспорта и питания к нему теперь стало вдоволь. Дороги остались, а воздушные границы перестали существовать.

За ненужностью.

Но большинство людей предпочитало двигаться пешком. Часто даже без карты – просто день за днём идти вдоль выбранной дороги. Или не идти по ней, а просто куда глаза глядят.

Новые массовые кладбища были скрыты от лишних глаз, чтобы не давить на сознание. А незнакомые места, о существовании которых идущие даже не подозревали, часто начинались прямо за городом, прямо за вторым перекрёстком от привычного маршрута.

Не всех это удивляло – многие были уже слишком циничны, кто-то слишком много повидал, чтобы просто так испы-

тивать чувство удивления. А кто-то устал от всего.

Уцелевшие спутники следили за такими путешественниками. Часть из них была взломана хакерами, которые таким образом удовлетворяли свою тягу к новому. Хотя и некоторые выжившие и никому не нужные офицеры, в чьи обязанности ранее было вменено следить за изображениями с экранами, развлекались подглядыванием с недостижимой высоты.

И так один из спутников, пролетая по-над меридианом, в некоторый момент дал чёткую картинку двух движущихся объектов. Небольшие такие, с вкраплениями отдельных металлических объектов, с температурой чуть выше окружающей среды. Люди то есть. Неторопливо двигающих по оврагу, в котором проходила трёхпутевая железная дорога.

Но наблюдателю, сидящему за пультом, картинка интересной не показалась. Двое молодых людей неэкстравагантного вида, пыльных и потных от долгого пути по бестеневой местности. Шли они сильно раздельно – по разным склонам, не притормаживая, не разговаривая, и не примериваясь к шагу друг друга. Давно идут, вместе идут и знают куда идут.

Наблюдатель знал этот регион – впереди этих двоих не ждало ничего интересного. И сами они неинтересные. Просто ещё одни из.

Он ещё немного посмотрел на смещающуюся картинку с двумя объектами с температурой выше окружающей среды, забыл про них и занялся поисками забавы на следующие два часа.

Второй из идущих приостановился поглядеть в голубое небо, выцветшее до белизны. Глаза заливал пот, песчаные склоны пышели жаром, перспективу обрубали поднимающиеся голые склоны, разнообразящиеся наверху мелким мусором вперемешку со старой галькой, выгребённой из-под шпал. А вид вперёд был таким же унылым и дрожащим от горячего воздуха. И туда уходил пятый.

Точнее, это он был пятым, а тот, идущий впереди – вторым. Но стоящему хотелось, чтобы было наоборот. И чтобы стало прохладней, зеленее и некоторое разнообразие вокруг.

Но хотеть в августовский полдень в полупустыне – это лишнее. Лучше идти дальше, потому что закапываться ещё рано – Второй говорил, что настоящая жара уже прошла, теперь всё плавно смещается к осени.

Хотя ему лично так совершенно не кажется.

Стоять на солнцепёке надоело, и он пошёл. Прибавить ходу, чтобы догнать второго... глухо дело. Всё равно он где-то остановится, и будет ждать, пока Пятый его не нагонит.

Но как же всё-таки жарко. Настолько, что в одиночку идти легче. Не надо на что-то показывать, подходить поближе, чтобы рассмотреть... да на последнем перегоне такого так и не встретилось.

Он переставлял ноги, ставя их шире, чтобы не мокло в шаг – там натёрлось уже и болело. Ничего стоящего в поле зрения не попадалось – даже саксофон, прислонённый к километровому столбу – это всего лишь саксофон, прислонён-

ный к километровому столбу. Но он всё-таки притормозил – сквозь пелену жары к нему пробилось некоторое изменение происходящего к лучшему. Успокаивая зуд под черепом, он остановился.

Выжженная земля под ногами сменилась высохшей травой. Ближе к дну она приобретала зелёный оттенок и росла редким ковром. Раньше такого не было.

Сухой ветер сдул застоявшийся воздух, пробрался под рюкзак, подсушил взопревшую рубашку. Пятый дёрнулся от неожиданного ощущения. Кажется, он опять провалился в песчаный бред – когда теряешь чувство времени и бредёшь в каком-то направлении под какую-то назойливо зудящую фразу.

Пятый огляделся. В бред он впал достаточно давно, если его рельсы успели взобраться на холм. Вторая колея шла сейчас по другому склону, окончание же средней как-то проскользнуло мимо сознания.

От столба для проводов к электричкам отходила асфальтированная дорожка – в стене холма (склоны оврага плавно перетекли в близстоящие холмы с зажатой между ними долиной) была выемка, куда и текла изгибами асфальтовая змейка.

Пятый пожал плечами – кому и зачем нужна дорожка, ведущая из никуда прямо к железке?

Трава под ногами не уменьшила температуру, и солнце всё так же палило из зенита. Но теперь мысль идти дальше

понималась легче.

Перед тем вновь пойти неторопливым шагом дальнего перехода, Пятый ещё раз оглянулся. Саксофон у столба ярко и холодно блестел своими клапанами, издаലെка выглядевшими как фигурчатые выпуклые узоры на поверхности, сходящие на нет у золотого пятна раструба.

За столбом вновь начиналась высушенная земля, превращая обычный бетонный столб для проводов к электричке в столб пограничный.

Пятый ещё раз пожал плечами и пошёл дальше. Теперь шлось легче – ботинки перестали выбивать из каменистой земли пыль, глаз цеплялся за травянистые пятна, всё более зелёные. Потом из-за вершины холма выступил кусок бетонного здания – наверно, склада или ангара. И впереди на другом холме из фона проступил Второй, сосредоточенно шагающий по тропинке вдоль рельс.

Холмы измельчали, долина между ними сгладилась, обе колеи вновь сошлись вместе. Железная дорога стала такой как положено – обе колеи шли рядом на галечном возвышении. Слева стена холма постепенно сменилась бесконечным бетонным забором, из-за которого то и дело что-то торчало. Справа тоже мелькнул забор, но потом сменился жиденькими деревьями, затем вплотную к дороге подступили огороды, защищённые густо разросшейся ежевикой и заборами из десятка палок, обмотанных кое-как ржавой колючей проволокой. Затем их заменили сады.

В садах деревьев было больше, но сквозь их кроны Пятый различал белёные высокие каменные заборы. Но дома не прижимались к железной дороге, между ними и садами было строго соблюдаемое расстояние – видимо, обычная дорога.

Когда они дошли до переезда, Пятый убедился в правильности своего предположения: к переезду сходились три улицы, состоящие из одноэтажных домов. Центральная, самая широкая, постепенно поднималась вверх, где-то далеко во что-то упираясь. Правая и левая ничем особенным не выделялись, разве что левая, косвенно уводящая к городу, была больше усажена деревьями.

Пятый смотрел на них, пока будка ГАИ, сейчас безусловно пустая, не заслонила ему вид. Тогда он стал смотреть вперёд и влево. Там бесконечный забор отступил от дороги, прервался несколько раз, пропуская дороги и отдалился ещё дальше, отгородившись двумя стенами деревьев вдоль автомобильной дороги, тротуаром и узкой полоской кукурузного поля.

Пятый был бы не прочь сойти с рельсов и войти в город, но Второй сосредоточенно шагал по шпалам, упорно не замечая неритмичности своей походки. Ноги, чтобы идти через шпалу, были коротки, а наступать на каждую было слишком неудобно. Нога то и дело наступала на гальку, но Второй всё никак не отходил в сторону.

Пятый решил не вмешиваться, ведь ходьба – личное дело каждого. Второй слишком долго ходил, чтобы просто так

сбивать себе ноги.

А в личные обеты Пятый старался не вмешиваться.

Тем временем забор слева прервался надолго. Вместе со стеной деревьев. В проёме виднелось полустеклянное здание с диспетчерской вышкой в качестве украшения. Пятый поднапряг глаза и прочитал вывеску «Аэропорт».

Значит, город был не так уж мал, если в нём пересекались два разных пути дальнего следования. Но...

– Море в сорока километрах на северо-восток отсюда, но порта там нет. Плавать некуда.

Второй всё-таки сошёл с неудобных шпал и пристроился идти рядом. Пятый посмотрел вперёд и понял причину – дальше путь занимал состав. И обозримого конца ему не было.

Они перешли на тропинку, которая шла вдоль рельсов. Второй, вынужденный идти рядом, оживился и заговорил о всякой всячине. За обсуждением важных пустяков они отмерили пару километров, а город всё не кончался. Даже наоборот, огороды то и дело сменялись замусоренными пустырями, а за заборами огородов стали проглядывать плановые четырёх- и пятиэтажки.

Огороды окончательно прекратились, и железная дорога стала отделена от города только пяти метрами полосы отчуждения и узкой полоской асфальта. Тут Второй ни с того ни с сего сказал «мне туда» – поднырнул под очередной вагон и оказался на другой стороне насыпи. Пятый постоял-постоял,

да и полез за ним – Второй был левша и иногда его желание «быть слева от всего сразу» срабатывало быстро и радикально. Пятый к этому уже привык.

Но под днищем цистерны обнаружились разные выступы и неровности, которые совершенно перекрывали прополз на другую сторону. Пятый решил попробовать поползти под колёсами под следующий вагон – вдруг там будет удобнее. И хоть было это неудобно, низко и перемазался он пыльной смазкой, награды в виде удобного прохода не оказалось. Наоборот, дальше просветы были всё уже и уже – он даже и не подозревал о стольких неровностях под днищем железнодорожных платформ.

Единственный сколько-то пригодный просвет нашёлся только у колёс. Пятый уже подполз к нему и стал пристраиваться, чтобы вылезти, как вдруг понял, что если вдруг поезд дёрнется, его разрежет напополам.

Видение было ярким и объёмным – он слышал, как по составу идёт судорога, загрохочут сцепления, колёса дёрнутся на полметра туда-сюда. И как отполированная долгим употреблением ось (он почувствовал, насколько она тяжелее и больше его немаленького тела) накатывается на руку, давя её всей вагонной тяжестью. И он, зажатый между тележками и буксами (или как там конец вагона называется?) будет отталкиваться кровоточащим обрубком он неотвратимо надвигающейся смерти, а она будет его бездушно давить, срезая лишнее тонкой внутренней кромкой.

Они не раз и не два находили возле железнодорожных путей расплющенные болты, которые неизвестные шутники клали на рельсы перед проходящими поездами. От них оставались только плоские железяки с зубчатыми боками.

Его швырнуло наружу и он, обдираясь обо все эти подножки, краны и дополнительные крепления, полез, обдираясь и сдирая клочья одежды вместе с кожей на свою, правую сторону.

И, вырвав из одежды какую-то зацепившуюся пряжку – её торможение придало его отчаянию больше сил, он встал во весь рост, дрожащий и отдувающийся.

Его заколотил озноб и, чтобы прекратить трястись, он стал осматривать самого себя. Ужас преувеличил повреждения – пара крупных ссадин, грязная царапина и разодранная в паре мест одежда. Но на такой случай в рюкзаке были иголка и разноцветные нитки.

И только тут до него дошло, что колесо могло раздавить его не до конца. А придавить, раздробив рёбра и зажав между деталями. И Второй ничем бы не смог ему помочь. А если бы он не услышал крика о помощи? Эта мысль породила новую волну паники, которая почти погасила предыдущую, оставив его рефлексивно подёргиваться.

Когда до него дошло, что можно было перелезть поверху или через сцепление, он ощутил дикое одиночество.

Дом, в котором узкие лестничные пролёты зачем-то была вынесены на наружную стену (как по таким взбираться в

ветренный или дождливый день?) и который он считал очередным, оказался последним. Сразу за пригорком, на котором он стоял, начиналось поле с неопределёнными скукожившимися кустиками. Метров через триста поле заканчивалось каким-то упорядоченным подъёмом – там, видимо, загибалась дорога, охватывая город по периметру.

И НИ-КО-ГО вокруг. Ветер, то и дело меняющий направление, искажал все звуки. Да и как услышишь почти неслышные шаги Второго, который иногда встраивался в пейзаж настолько, что не воспринимался вообще, пока не начинал говорить или двигаться по-другому.

Ужасом появившееся чувство не было – обычный острый приступ одиночества, когда будешь рад любому живому существу, даже враждебному. И ведь не крикнешь, не позовёшь – неудобно как-то. Хотя Второй услышит, поймёт и лишь понимающе хмыкнет, неожиданно оказавшись за спиной.

Но стыдно себе всё равно будет.

И, рубя в себе страх, он заставил идти себя идти вперёд – когда-нибудь состав кончится, и Второй вновь окажется рядом. И всё станет как было.

С тем Пятый и пошёл, морщась, когда задубевшая от пота одежда прикасалась к ободранным местам. Но состав всё никак не кончался, а когда кончился, дорога опустилась в низину, и по бокам возникли склоны из песчаника. Былая бодрость при виде зелени и городских построек испарилась,

и в голове вновь зазвучала унылая песенка из зудящих нот, бесконечно повторяемая в такт тяжёлым медленным шагам.

Его не мучало одиночество, перестали надоедать ссадины. То есть и мучало и надоедало, но всё это отошло куда-то на второй план, а первого плана не стало вообще. Однообразие пейзажа – лента дороги под ногами да песчаные склоны по бокам выдавливали всякую постороннюю мысль, поддерживая инерцию действия «идёшь – иди, встал – стой, лёг – тут и умри».

Так он и шёл, пока не поравнялся с бетонным столбом под провода для электрички, как сбоку сказали:

– Ветер стих. Слышишь?

Сколько времени Второй шёл рядом с ним, Пятый не заметил. Но его появление не было неожиданностью, то есть шёл рядом достаточно давно.

И действительно – ветер, наполнявший уши и подталкивающий в спину, неожиданно стих. Удушливая жара, скопившаяся в низине, навалилась на спутников. Пятому даже показалось, что мир схлопнулся вокруг них и ничего, кроме этой бесконечной низины, нет и быть не может. А всё остальное – привидевшееся галлюцинация от жары и жажды. Звук сразу обступили его, облепили всё вокруг и только ждали подходящего момента, чтобы сорваться со своего насеста и стукнуть его прямо в ухо своей твёрдостью и однозначностью.

– Мы здесь уже проходили. Не находишь?

Пятый натурально не поверил и сделал пару шагов, чтобы увидеть и доказать, но увидел прислонённый с другой стороны столба саксофон и подавился словами. В голове мелькнула шальная мысль, что так здесь на железной дороге обозначают начало и конец города. Но сделав шаг назад, мысль испарилась – он стоял в той же точке, что и два часа назад, когда только вышел из песчаного бреда.

Он не стал пугаться – было слишком жарко. Посмотрев мир, доходя до каждого места на своих двоих, Пятый понимал, что не всегда прямая – самый короткий путь, и что без чертовщины на дальних перегонах не обойтись.

– И что теперь? Назад пойдём?

Второй с недовольным видом ковырял языком в зубах – в данный момент это действительно его волновало больше закольцевавшейся железной дороги. Так ничего не выковыряв, Второй сказал с видом человека, излагающего прописные истины:

– Вперёд пойдём – всё по новой проходить придётся. Попробуем счастья по асфальту – он в другую сторону идёт.

То, что идя назад, они пойдут назад не в город, а дальше – обратно в пустыню, из которой шли днём, Пятый понял, когда дорога услужливо полезла вверх, справа (теперь уже справа) вновь раскинулось поле, ограниченное по краям канав низкими деревьями, а слева-впереди вновь завиднелась многоэтажка с лестницей на стене. То есть закольцевалось странно, но представлять себе схему заворотов в простран-

стве Пятый не рискнул – слишком уж жарко.

На этот раз Второй шёл слева от состава, и перелазить было незачем. И как только появилась тропинка в сторону дороги, он тут же перешёл на неё. Пятый последовал.

Тропинка шла по неровным периодическим кочкам. Пятый опознал в них косые грядки, идти по которым было ещё неудобнее, чем по шпалам. Но тут грядки кончились, пошла обочина и потом – дорога.

Пятый поднял голову и увидел, что дорога разветвляется – одна действительно идёт в обход, а вторая – вдоль железной дороги. В прошлый раз он её не зафиксировал – поглощён был одиночеством.

Но Второй в её сторону не смотрел – уверен был, что там их тоже завернёт.

Наверное.

Пятый уверен не был – просто шёл рядом.

Миновав заброшенную милицейскую будку со шлагбаумом, намертво вознёсшим узкий конец своей полосатой трубы в небо – эдакая детская пародия на мелкокалиберное зенитное орудие. Если бы дети умели делать такие большие металлически-бетонные игрушки.

Дорога по дуге поднималась на холм. Пятый почему-то отметил для себя, что раскалённый асфальт не спешит липнуть к подошвам – то есть асфальт хороший. Да и выглядела дорога... ухоженно, что ли? Объездные дороги в маленьких городах так не содержат. Даже главные улицы не всегда та-

кие ровные.

Дорога выпрямилась и стала взбираться на холм ещё круче. Пятый не имел ничего против подъёма, но сухой ветер хлестал в лицо редкой мелкой пылью, а нагретый асфальт блестел, отдавая своё тепло двум людям, рискнувшим пойти по нему по солнцепёку. Часов у Пятого не было, но он знал, что вот-вот начнётся сиеста. Это когда надо спать за закрытыми ставнями под кондиционером, а не тащиться в гору по дороге, где тень только от тебя и твоего рюкзака.

Сухо было невероятно – бетонные канавы по бокам дороги шелушились от безводья. Даже засухоустойчивый репейник попадался эпизодически – там, где в бетонном покрытии канавы были проделаны круглые дырки.

Крутой подъём смягчился, но дорога упорно шла вверх. Заодно обнаружился источник мелкого песка, который ветер настойчиво сыпал в полуприкрытые глаза – дорога немного расширялась, выдавив из себя обрамлённый низким бордюром газон, где функции насаждений выполняли фонарные столбы с давно выбитыми плафонами – в таких местах почему-то любят селиться осы. Пятый не любил их до дрожи, хоть его ни разу не кусали. Страх перед ними был инстинктивный и мог быть выражен формулой «одну дави, больше – беги». Поэтому Пятый переместился идти на обочину. В голове от перегрева и усталости стучали молотки, а тело так и подмывало улечься в канаву, где была хоть какая-то надежда на слабый тенёк.

Второму тоже приходилось несладко, но всё «несладко» заключалось в закушенной губе и отсутствующем взгляде. А перебирающие пальцы на ляжке рюкзака заменяли ему необходимость занимать голову пустыми рассуждениями. Пятый подозревал что раньше Второй профессионально занимался музыкой и теперь просто проигрывает партии «внемую».

Или привычка въелась настолько глубоко, что когда он занят чем-то серьёзным, руки самостоятельно находили себе применение.

Унылые разграбленные военные склады за разодранной колючей проволокой, позволили сменить себя огромному строительному крану, безвольно повесившему свой хобот, словно хотя опереться о склон холма, но застряв в тисках ржавчины. Бетонные плиты противовеса оторвались и лежали разбитой грудой там, внизу, на невидных отсюда рельсах.

Пятый наверняка подошёл бы поближе и разглядел занимательную разрушенную конструкцию – а то из-за марева ничего точно не видно. Приходится верить тому, что голова достраивает, совмещая две размытые картинки. Но жарко, жарко, жарко! Даже внутренний нервный озноб, то и дело пробегающий по позвоночнику, заставляя время от времени произвольно содрогаться, уже не нёс намёка на холод. Просто неконтролируемая нервная судорога, предвестник болезни Паркинсона.

Дорога выполаживалась – вершина холма была уже близко, потом точка неустойчивого равновесия медленно, но вер-

но сменится спуском, всё более пологим...

За таким смыслом он вышел на самую верхнюю точку дороги и... сбавил ход, чтобы увидеть открывшуюся картину, ранее закрытую крутым боковым склоном малого холма.

За редкой пиковой решёткой покоилось здание. Именно покоилось – настолько величественно выглядело четырёхэтажное здание, строенное по тем ещё стандартам, когда потолок на четыре метра от пола – это немного, но для квартиры достаточно. Массивное – дань климату, чтобы сохранять прохладу в стенах, а не производить её с помощью кондиционеров. Да и не было предусмотрено мест в огромных окнах, отделённых друг от друга выдавленными наружу узкими бетонными блоками, образующими высокие ниши, для этих безвкусных четырёхугольных ящиков.

Но массивность не делала здание тяжёлым. Его строили не для того, чтобы нависать над окрестностями. Да, оно доминировало, но не угрожало. Оно просто было. Пятому пришлось в голову, что так могла бы выглядеть первая ступенька к Московскому МГУ. Метафорически, конечно – если понимать образование как ступени к пьедесталу.

Но начальные школы не строят такими... величественными. Им это просто незачем. Если только... учащимся с самого начала не призвано внушить чувство глубокого внутреннего достоинства. Впрочем, никому из учащихся эта школа не внушит ничего. Потому что не достроена.

Пустые проёмы окон, никогда не знавшие рам и стёкол.

Проржавевшие железные детали конструкции, так никогда и не узнавшие краски. Зависшая над невидным внутренним двором стрела ещё одного циклопического крана. Коробка, сданная под ключ задолго до его рождения и навсегда замороженная. Потому что исчез смысл её существования. А попытки приспособить её под сиюминутные нужды (видные невооружённым глазом из-за жестяного блеска и свежим мазкам бетона) – бессмысленны. Потому что незаконченное здание, ориентированное на вечность, невозможно докончить простыми вложениями. Для вечности деньги – пыль.

Для неё нужно что-то большое. Большие деньги, например. И большое понимание необходимости этой самой вечности. А остальное – суета суёт и всяческая суета. Даже обхватывающая периметр решётка и засохшие ёлочные саженцы у подножия холма. Они исчезнут, сгинут в пыльном ветре, а здание останется.

Увлёкшись рассуждением и разглядыванием несовершенной гармонии, Пятый не заметил, как под его пыльными ботинками оказалась пустота.

Каким чёртом он упал на спину, вместо того чтобы ухнуть в бездонную пропасть...

При падении он потерял ориентацию в пространстве. В спину упёрлись острые и твёрдые грани из рюкзака, только смягчённые обмотанным спальником. И Пятый бестолково болтал руками и ногами в поисках опоры, пытаясь подняться, кусочком себя понимая, что барахтается как переверну-

тый на спину жук.

Ошарашивающий свет солнца заслонило облако, а потом более мелкая, но близкая тень встала рядом с ним. Его дёрнули и потянули за руку, поворачивая набок. Обрётший опору Пятый подобрал под себя ноги и кое-как сел.

Убедившийся в его устойчивом неупадении Второй тоже принял сидячее положение. Именно так. Потому что уловить движение в котором Второй стояще-идуший становится Вторым сидяще-передыхивающим, Пятый не мог. Раз и всё. Сидит как влитой, будто тут ему самое место. А потом – р-раз и пошёл дальше. Будто всегда так шёл. Станный человек.

Пятый посмотрел вбок, чтобы на четвереньках подползти к краю пропасти и заглянуть в неё. Взгляд прошёлся по видимой части дороги, уже начавшей уходить вниз и ни за что не зацепился. Второй и третий взгляд были такими же.

Пятый уставился расширенными глазами на Второго. Тот сидел у бордюра, согнув ноги – вытягивать их по горячему асфальту было бы неразумно, закрыв глаза, тихо-тихо втягивая воздух через приоткрытый рот. Краешки губ то и дело дёргало в горькую усмешку – то ли в такт внутренним мыслям, то ли нервным тиком. Слабый ветерок шевелил волосами, которые не прилепились к мокрой от пота голове.

Очень бы хотелось его спросить, но Второй устойчиво молчал. А раз молчит, значит, не знает.

Пятый прислушался к своим ощущениям. Нет, ему не померещилось – пропасть оказалась у него под ногами. Это

не замаскированная ловушка – там ноги успевают ощутить поверхностное натяжение маскировочного слоя, прежде чем тот прорвётся под тяжестью тела. И не поворачивающаяся плита – там чувствуется нарастающее скольжение. И удар другого конца по лбу – если плита достаточно длинная.

Он ещё раз осмотрел асфальт. Ни-ка-ких нарушений. Тогда он перевалился на карачки и осторожно пополз вперёд, ощупывая всё перед собой. Асфальт. Пыльный, выщербленный, потрескавшийся. Очень горячий, но не липкий. Положенный сюда давным-давно и с тех пор не тревоженный. Даже заплатками. Хороший асфальт. Надёжный. На века.

Его ухватили за воротник и поволокли вперёд.

– Хорош.

В этом весь Второй – минимум слов, смысл которых понимай как хочешь. Сам виноват, если понял неправильно. Иногда от него у Пятого трещала и шла кругом голова. Но Второго состояние спутника не волновало. Или волновало, но этого он никак не показывал. Из-за чего Пятый иногда был не прочь его убить. Чаще всего на ночёвке, когда Второй часами без движения пялился в закатное небо. Или так же часами палочкой расковыривал землю. То ли от дела, то ли от балды – Пятый никогда не мог уловить выражение его глаз, чтобы понять наверняка.

Метра через два, когда Пятый преодолел инерцию движения на четырёх конечностях, воротник отпустило. Идти не хотелось, но торчать весь день на солнцепёке без движения

– слишком невыносимо. Он и не стал учинять претензию – Второму всё равно она была бы по барабану. Их никто не заставлял идти вместе – просто два человека сошлись и пока им удобнее, они идут вместе. Тяготить станет соседство – разойдутся.

Уйти им далеко не дали. Звук, похожий на удар огромной кувалды по огромной ржавой бочке с протухшими отрубями, плотно обступил их. Пятый закрутил головой, определяя источник звука. Пока не догадался посмотреть на Второго и проследовать за его взглядом. Там медленно оседал белёсый неровный столб – видимо, водяной.

– Э-э... это... что?

Второй облизал пересохшие губы, скривился от боли при прикосновении к запёкшимся кровавым коркам и с каким-то мазохистским злорадством сказал:

– Малая противокорабельная мина образца надцатого года. Нарвались-таки.

Место первое. Прохладность воды

Пока Второй, прихватив его для надёжности за руку, волочил куда-то в сторону от дороги, в безвольно мотающейся пересохшей голове Пятого с глухим стуком деревянных шариков стучались, подпрыгивали и закатывались на стенки две мысли: «на ровных дорогах не бывает бесследных ловушек» и «мины для кораблей ставят в море». На большее его не хватало.

Идти по высохшей земле опять было неудобно – неровности опять попадались периодически. Грядки? Да и что могло расти на этой каменной от безводья земле, которая уже не трескалась – настолько давно она не знала воды. Кактусы в этом направлении земного шара не растут. Или растут?

Впрочем, и эти мысли развития не получили.

Они оказались на асфальтовой аллее, усаженной колючими деревьями, чьи безлистные куповидные кроны переплелись между собой. А некоторые ветки отросли так низко, что можно было запутаться в них нестриженными волосами. Или оцарапаться макушкой, этими волосами прикрываемой.

Редко высаженные деревья почти не давали тени. Но жара уже не валилась сверху сухим раскалённым ватным одеялом. Даже показалось, что спереди и снизу потянуло чуть ощутимой тухловатой прохладой. Прохладой, прохладой...

Пятый завозился внутри своей одежды, неожиданно ис-

пытав приступ дежа вю. Точно, он уже вдыхал этот гниловатый запах. Когда они ползли вверх по склону и тот уже начал закругляться, он вдруг увидел (услышал, почуял пересохшей глоткой запах воды – наверно, всё сразу), как сбоку в бетонной плите, покрытой двумя ржавыми канализационными люками в крупную дырочку, что-то активно движется с характерным блеском и запахом.

Заинтересованно подойдя поближе, он увидел, что в бетоне есть третья, незакрытая, дырка. В ней от люка осталось только вдавленная предохранительная полоса с изгибами для ушек. Мучимый не сколько жаждой, сколько жаркостью происходящего (ещё чего не хватало – из канализации пить, когда в рюкзаке фляга с чистой водой есть).

Прямо под дыркой нагло торчал винтовой штырь, на котором должен был крутиться вентиль. Вентиль был – закрученный до упора, чуть ли не приваренный к основательной трубе, скрывшейся под слоем воды. На поверхности плавал полуразложившийся мусор, намекая на то, что в этой полузатопленном бетонном доте можно упрятать и это тело, что в люк заглядывает. И ещё с десятков. И никто искать их здесь не будет. Раз уж если вода хлещет из большой (в бедро, не меньше) кабельной оплётки, и никому нет до этого дела. Главная водяная артерия города, шоб её.

Вода застоялась, но всё равно куда-то уходила – вокруг бетонной полосы была такая же сухая земля, как и на всём склоне.

Пятый озадачено почесал в затылке. Жара перестала до­нимать его, внутри черепа заво­дили­сь куда большие пробле­мы – память раздваивалась. Он чётко помнил, как шёл по объездной дороге, страдая от жары, нигде не останавливаясь и даже словом не обмолвившись со Вторым. Но откуда тогда он бы знал, что с водой стало так после того, как насосную станцию у реки растащили местные жители?

И так же чётко он помнил, как рассматривал затоплен­ные трубы с плавающим поверх мусором, сдерживая тош­но­ту от осклизкой прохлады и рас­ка­лён­ного воздуха, бьющего по мозгам сверху.

Он сделал несколько шагов, чтобы догнать вновь ушедше­го вперёд Второго.

Тот шёл максимально прогулочным шагом, изо всех сил подчёркивая, что идти туда, куда он идёт, ему совершенно не хочется. Догнать его – только сделать десяток шагов, а каким бы не неразговорчивым Второй не казался со спины, на прямо поставленный вопрос он всегда ответит.

Пятый сделал несколько шагов и уже поднял руку, чтобы тронуть Второго за плечо...

В памяти всё стало на свои места, и он так и не задал свой несформировавшийся вопрос.

Асфальтовая дорожка расширилась, акации исчезли. По­том асфальт кончился и начался плотно утопанный спуск к какому-то странному памятнику – двум рядом стоящим узким длинным пирамидам. Одна кверху немного расширя-

лась, другая сужалась. Понятными они не становились, пока он не подошёл ближе и не увидел вечный огонь. А пирамиды белого мрамора (местами обсыпавшегося, обнажив бетон того же цвета) должны были символизировать винтовочные штыки.

Огонь не горел. Впрочем, в свете последних событий его свет выглядел бы издевательски.

Второй добрёл до выступающей площадки, ограждающей обелиск, опёрся на него поудобнее, и вдруг тяжело и медленно осел, не издав ни звука. Пятый покосился на него без особого интереса – солнечный удар, с кем не бывает. Очухается через какое-то время. Можно подойти и потормозить, чтобы побыстрее пришёл в себя. Но незачем.

Обойдя парапет сбоку, прищурившись от отсвета голубой до небесности мозаики, выстилающей дно фонтана, окружающего обелиск, он стал смотреть в сторону города. Тот вполне радовал глаз обильной зеленью, над которой едва-едва проступали крыши зданий. Перед первым рядом деревьев ласково блестело озеро, оцепленное бетонным ограждением.

Он бы с удовольствием пошёл бы освежиться и смыть дорожную пыль хотя бы с кожи, но оставлять Второго, который ещё не пришёл в себя, было бы нехорошо. Стоически вздохнув, он залез в карман, нащупал там мятную конфету и, не тратя времени на отдираание обёртки, закинул её в рот.

Бумага быстро отслоилась и он её выплюнул. Хотелось бы в урну, но такого зверя не было поблизости. Конфета мед-

ленно рассасывалась, неохотно расставаясь с мятным вкусом, с помощью ментола наполняя рот ощущением прохлады.

Смотреть вдаль надоело, и он стал смотреть прямо. Громадная площадь перед обелиском. Без единого признака скамейки. Дальше площадь сужалась, становясь ступенями, уложенными в три уступа.

Ступени длились ещё какое-то время и обрывались в асфальтовую дорогу, сжатую между двумя высокими тротуарами. Из-за странного отцвета плиточного камня, издалика казалось, что две длинные прямые гусеницы медленно куда-то ползут.

Идти по гусеницам не хотелось. Поэтому он повёл глазами вправо (влево холм круто забирал вверх). Вдали озеро продолжалось по прямой, ближний же край сначала шёл также, но потом изгибался и уходил куда-то за холм. Потом, метров через пятьдесят, край вновь появлялся, становясь выгнутым песчаным берегом, потом резко загибающимся в перпендикуляр.

Ещё дальше торчало несуразно высокое и основательное здание, больше похожее на короткий толстый болт с частой большой резьбой. Торчащие на крыше антенны впечатления не портили. Дальше вид терялся в мареве, но очертания намекали на жилые несколькоэтажные здания (он был в этом уверен) густо-зелёного цвета.

Впереди город словно накрыло песчаным туманом – он

не мог различить ничего дальше противоположной бетонной набережной. Хотя вроде марева не было – воздух не дрожал, и облака как от песчаной бури не было. Просто глаза вдруг перестали наводиться на резкость.

Пятый поприщуривался, но это не помогло. Разве что на периферии правого глаза что-то задвигалось. Он перевёл взгляд туда – у самой границы нечёткости над землёй приподнималась узкая вытянутая машина. Повиснув на уровне второго этажа, машина развернулась к нему затуплённой стороной и уплыла вглубь города.

Пятый потряс головой – воздух не принёс никакого шума. И он никогда не видел таких машин – чёрных, плоских и угловатых, будто сложенных из двух треугольников.

В голове загудело, в глазах поплыли ослепительные цветные пятна. Он прикрыл голову рукой, второй нащупывая фляжку, вслепую отвинтил пробку и сорвал фляжку с пояса, выплеснув содержимое на руки.

Вода смочила короткие волосы, противными тёплыми струйками потекла за шиворот, в висках заломило. Сердце бешено билось об рёбра, голова кружилась, но дурнота постепенно проходила.

Он натянул капюшон и повесил фляжку на место. Пояс, как обычно, изгибался и не собирался подлезать под жёсткий зажим. Каждый раз он хотел отжать его плоскогубцами, но каждый раз забывал. Сейчас вот лезть, на солнцепёке, после теплового удара – тоже не время... скрипнув зубами, он всё-

таки впихнул ткань под металлическую полосу.

Под капюшоном начало преть, и Пятый откинул его обратно. Вытер мокрую ладонь о куртку и провёл тыльной стороной под носом. Следов крови не осталось – видно, на этот раз обошлось без кровоточащего носа.

Стоять так, дожидаясь второго удара, было глупо. Надо было спускаться туда, где более прохладно. Но спускаться по широченной – метров десяти в поперечнике, лестнице из белых плит, почему-то не хотелось. Как-то слишком парадно для скромного него.

Идя вдоль невысокого парапета, окружавшего площадку с обелиском, он заметил, что справа вплотную к ограждению походит вымощенная красным гранитом прогулочная дорожка. Словно созданная для променада, она упиралась в этот ненужный бетонный пережиток. Или его воткнули специально, чтобы не след было всяким тут.

Пожав плечами, он взгромоздился на ограждение, перенёс ноги на другую сторону, спрыгнул на дорожку и пошёл, оставив позади размышление о столкновении двух несуразных стилей.

Дорожка шла странно, как-то наискось холма, закруглённо меняя направление вверх-вниз: прекрасно подогнанная плитка и длинные, метра в три, низкие ступеньки скрадывали ощущение переменной высоты.

С дорожки открывался неплохой вид на город – за противоположным берегом озера угадывалась прогулочная аллея,

за ней берег ещё поднимался, и ещё в отдалении стояли дома какой-то старой, ещё советской раскраски. Цвета не были неприятными, но сейчас так уже не красили.

Дорожка несколько раз раздваивалась, он каждый раз шёл по нижней части, опускаясь всё ближе к озеру. Но дорожка отказывалась вести вниз, ей нравилось опоясывать холм, подсовывать укромные, вдавленные в холм уголки с низкими широкими скамейками, оставлять неприметные тематические урны и площадки для обзора. Она была создана для долгих неспешных прогулок в выходные и праздничные дни солидных взрослых людей с семейством...

Пока дорожку вдруг не пересекла бетонная лестница, идущая строго вниз. Она смотрелась грубо и неуместно, обрывая всё впечатление красной дорожки, но она вела вниз. Пятый спустился по ней, прошёл над сухим водоотводным каналом (стенки отшелушивались вспученным серо-коричневым налётом). И вышел на папёрть перед озером.

Охваченный камнем и бетоном берег переходил в мост, дальше снова расширялся, но постепенно ослабевал и уходил в землю, плавно переходя в обычный песчаный пляж. Мост делил озеро на две неравные части, словно кто-то перехватил пакет с водой выше середины. Верхняя часть загибалась куда-то за болтообразное здание и была заключена в бетонное остроугольное ограждение, а вот нижняя... нижняя была куда больше и даже имела корабль. Искусственный, стоящий на отдельном островке, но всё же...

То и дело оглядываясь на широкие ступени красного камня, ковровой дорожкой пролётшей по пыльному песчаному склону, Пятый неуверенно ступил на бетонную плиту грубого моста, держась центра.

Непрозрачная вода под мостом разделилась на тёмно-зелёную и совсем чёрную. Пятый остановился и всмотрелся повнимательнее – чёрная часть воды была не однородной, посередине её разделяла более светлая полоса. Он подошёл поближе к перилам – всмотреться.

Больше всего эти две полосы напоминали трубы. Две до- нельзя ржавые трубы, зачем-то проложенные по дну озера. С каким-то особым когда-то смыслом...

Тут оказалось, что он опёрся на перила, которых не было – перед глазами мелькнула чёрная дыра с оплавленными краями (перила были сварены из железных толстых, в полтора кулака, труб). Затем вода резко надвинулась, и он ослеп, упав плашмя в твёрдую водяную поверхность.

Всплыв, и кое-как проморгавшись, он почувствовал неприятное ощущение пониже лопаток. Он оглянулся... и тут же рванул прочь из-под моста – снизу тот оказался куда страшнее, чем выглядел сверху. Не достигающие до воды бетонные плиты внутренней арки оставляли место для лаза.

А оттуда на него кто-то смотрел холодным оценивающим взглядом.

Он грёб изо всех сил, но вода становилась всё вязче и вязче, каждый гребок давался с большей силой – не разбирая

дороги, он вплыл в водоросли, разлѣгшиеся на поверхности. И они не замедлили намотаться и запутаться.

Пятый забарахтался, пытаясь вырваться, но водоросли росли из самого дна, и вырваться не хотели. Чтобы не уйти под воду, он замолотил ногами, которые тут же завязли. Он выгнул голову, чтобы не глотать воду, тело перевесило и стало погружаться.

И на него опять смотрели. Теперь взгляд был пропитан холодной и тѣмной глубиной, откуда нет возврата. Пятый рванулся изо всех сил, водоросли дѣрнули его назад...

В нос ударила тошнотворная вонь гнилых водорослей и сдохших морепродуктов. Он вплотную пребывал с кучей мѣртвых перепутанных водорослей, а прямо перед носом из стеблей торчал побелевший высохший остов рака.

Он попытался встать на ноги и обнаружил, что воды по колено, а заваленный сухими водорослями берег начинается прямо перед ним. Нелепо переваливаясь из-за намокшего рюкзака и хлюпающих, обматывающихся вокруг голеней штанов, он побежал к ближайшей бетонной лестнице – подальше от воды.

Водоросли неприятно проседали под ногой, глаза цеплялись за торчащий из высохшего ила металлический мусор, в затылок дул слабый разогретый ветер.

Бетонные ступеньки располагались гораздо выше, чем ему казалось, но он одним броском с упором на левую руку закинул себя на однозначно твѣрдый и горячий бетон и потом

бегом вверх.

Отбежав метров на десять, Пятый заставил себя остановиться и обернуться. У каменной насыпи у моста недоставало камней, одна из плит мостового настила сломалась посередине и просела вглубь. Убогими пеньками торчали срезанные столбы фонарей.

Из-под отступившей воды торчали песчаные косы, почти смыкавшиеся друг с другом. По песку дальнего берега виднелась побелая выбитая тропинка, проползая под скелетами деревьев и сухими кустами. Идти туда, чтобы отдохнуть после купания, уже не хотелось.

Он оглядел себя и повёл носом. Пахло не ахти – вода была несвежая, но без гнилостности. А одежда с обувью сами высохнут – по такой-то жаре. Носки разве что выжать – чтоб ногу не натирали.

Он глянул назад, ища, на чтобы присесть. Из земли торчали только срезанные под корень остовы скамеек и чего-то ещё, расположенного вокруг столба побольше – когда-то это было беседкой.

Резать себе сидалище их острыми краями было бы глупо. Сидеть на горячем бетоне вровень с ногами было неудобно повреждённой спине, колени мешали видеть скользкие шнурки, опять затянувшиеся в геркулесов узел.

Он встал на одно колено, скривившись, когда шероховатости бетона врезались в-из-под коленную чашечку. Ему никогда не удавалось расположиться так, чтобы было удобно и

на кость не давило.

От неудобной позы начали подрагивать поджилки, а клятые скользкие нейлоновые шнурки никак не вязались в нормальный узел. Лучше бы он их вообще не трогал! Перила клятые...

В спину ему опять смотрели. Он обернулся – у подножия лестницы, ведущей к обелиску, стоял Второй, обхватив падающую голову рукой и медленно водил другой рукой туда-сюда, подавая сигнал.

Пятый помахал в ответ. Второй опустил руку и поник головой, обхватив её и второй рукой: его часто так накрывало, в подходящих и безосновательных местах, а таблетки из походной аптечки он почему-то не глотал. Из принципа, видно. Или из-за нежелания признавать себя больным.

Пятый сунулся было как-то – узнать. Второй мигнул, прокристаллизовался взглядом и... вышел из себя (разом став кем-то другим) резанув его сурово-злобным взглядом так, что больше не хотелось. Вообще.

Впрочем, Второй никогда не жаловался на состояние, и на этом его душа успокоилась. Настолько, что можно было подойти поближе.

– Ну что... – Второй завис с немного сосредоточенным видом.

Это была его очередная странность – во время разговора он вдруг замолкал, будто заготовленный кусок текста куда-то исчезал. После рваной паузы, он продолжал, но пропустив

изрядный кусок, который можно было восстановить.

Но это требовало усилий.

Пятый подозревал, что по каким-то причинам Второй не хотел говорить банальные вещи. А без них разговор выстроить трудно: шестерёнкам между собой нужна смазка. Второй смазыванием и не мучался, перекладывая тяжесть увязывания смысла на Пятого.

Правда, на прямые вопросы он всё же отвечал. Но тоже с вывертами.

– Что за хрень?

– Не понимаю.

– Чего не понимаешь?

– Не понимаю, какая хрень – Второй имел несколько растерянный вид и старался это скрыть – я вряд ли знаю сильно больше твоего.

– Что со мной произошло?

– Не знаю, не видел.

Дальнейшие вопросы вроде «Почему я упал с моста?» или «Почему рельсы начались там, где кончились?» были бесполезны. Второй замкнулся в себе, и вытягивать его оттуда было глухо.

– Куда пойдём?

– Пока не знаю.

Снова-здорово, двадцать пять за рыбу деньги. Пятого злило некомфортное состояние внутри и снаружи. Сейчас самое время резко дёрнуть и пойти своим путём. Через вон тот ле-

сочек, что слева уютно в низинке расположился. Вон и асфальтовый спуск хороший. Сужается потом в дорожку, что хорошо ныряет за деревья и (он не знал, но был уверен) идёт прямо туда, куда нужно.

– Я бы не стал.

Пятый остановился, задумался на секунду и махнул рукой куда-то в пространство. Ну да, ну заросший, ну мрачный, ну больной. Что он, запущенных лесопосадок не видел?

Меж деревьев мелькнуло что-то. Тонкое. Серое. Он поднапряг глаза, хоть и знал, что это бесполезно с его абсолютным зрением. Видишь ровно настолько, насколько положено.

Мелькнуло ещё раз. Ещё два. Ещё... все промежутки заполнились белой паутиной.

Его обуял ужас. Это было неправильно, липко, мерзко, парализующе. Нужна была зажигалка, срочно. Она хорошо горит, он знал. Нужно лишь потерпеть, прорваться сквозь пару завесей, ещё не везде заплели. Только потерпеть эти невесомые клейкие сети на лице и мохнатые суставчатые ножки у зрачка...

Он покатился. А потом понял, что полусидит, скользя ногами по высушенному склону с жёлтыми колосками какого-то сорняка, пятая точка висит в воздухе, а воротник зубьями капкана сжали пальцы Второго.

Мир поехал вверх, его жёстко посадили копчиком на бордюр. Он разозлился, хоть это было правильно. Не копчиком

об бетон, а то что подтянули вверх – склон был сыпучим, красноватого песка. Он такой где-то видел, вот только...

– Так ты знал? – Пятый повернул голову.

Второй стоял, уцепившись обеими руками за поручень, ограждающий выщербленный тротуар от склона и покачивался туда-сюда по какой-то замкнутой траектории. И изо всех сил смотрел вверх высохших крон, прищурившись в бесцветное небо.

– Ты ведь был здесь? – настаивал Пятый, плохо переносящий непонятные вещи.

– Если глагол «был» применим к видениям.

Край бордюра жёстко врезался Пятому в промежность.

– В каком... смысле? – спросил он осипшим от неизбежной боли голосом.

Место второе. Становой хребет

Второй посмотрел на него, подумал и сказал:

– Ты ведь видел паутину? Ощущал прикосновение к коже? Бежал, всё больше увязая?

Пятый посмотрел на сухие стволы деревьев, с ободранной корой и пожелтевшей листвой в середине лета. Стволы частично перекрывала подстанция, но зачем в лесу подстанция? Особенно если к ней не подходят провода. Покрыта несмываемой краской того же густого зелёного цвета, который... дальше память обрывалась. Мысль перебила паутина... меж стволов опять что-то блестело на грани видимости... Пятый помотал головой и стал смотреть в другую сторону. Второй чуть сжал поручень, пальцами осыпая отсохшую краску.

– Со мной было то же самое.

– Ну чем-то же оно кончилось это самое. Дальше-то что было?

– Дальше я проснулся в холодном поту в три часа ночи и до утра убеждал себя, что пауки не такие страшные и с ними можно договориться.

Пятый развернулся – Второй чуть улыбался, что было ему несвойственно, но продолжать тему не собирался. Тогда Пятый отодвинулся от опасного края, от которого не спасают поручни и попытался подтянуть ноги. Разгорячённый вете-

рок неприятно попадал в глаза, суша их.

– То есть ты знаешь это место?

– Это? Это я не знаю. Но оно очень похоже на тот город, в котором я родился.

– Похоже? А может он?

– Мы идём без карты, но даже в таком случае он должен быть за тысячи километров отсюда. А я не настолько криво-рукий штурман.

– Но ты здесь ориентируешься.

– Я слышал, что у него были города-побратимы. Строившиеся по тому же проекту, разбросанные по всему Союзу. Видимо, нас занесло в один из таких клонов.

– Так ты можешь объяснить толком, что здесь происходит?

– Толком? В нашем весёлом мире? – удивительное дело, Второй разсловоохотился настолько, что снизошёл до подробных объяснений – я знаю только то, что это место имеет потрясающее сходство с городом моего детства – раз, и что в нём происходит неведомо что, преследующее меня долгое время в видениях – два.

Они стояли на странном перекрёстке. Вниз шла широкая лестница в пять ступенек, за которой после бетонного пятка начиналась дорога, разделённая пополам узким газоном. Правый тротуар был почему-то существенно шире, почти как дорога. Левый – вполне себе обычный узкий тротуар вдоль дома, потом вдоль невысокого просвечивающего забо-

ра.

Влево серпом уходила дорога вдоль глухого бетонного забора, когда-то белого, а сейчас – посеревшего от носимой по улицам пыли. От дороги в низину, усаженную деревьями, уходила лестница, разделённая посередине уступчатым ярусом.

Вправо шла прямая дорога примерно туда, откуда они пришли – к железной дороге. Пятый вспомнил этот просвет между домами – как раз перед этим странным домом с наружными лестницами, на котором заканчивался этот странный город. Слева какая-то посадка, постепенно сужающаяся вдаль, справа – набережная с поваленными и погнутыми перилами, когда-то отделяющая гуляющих от водной глади. А сейчас – источник металлолома для реднека с атрофированной совестью.

Пятый поёжился и повернулся к озеру спиной. Второй мрачно изучал развилку.

– Так куда пойдём?

– Влево мы не пойдём – Второй скривился, показав, что это направление ему крайне неприятно.

Пятый молча ждал продолжения.

– Хоть прямо, хоть направо – выйдем примерно к одному месту.

– А может, через дворы?

Второй рывком оказался возле Пятого, и ухватив того за плечо, насквозь проткнул взглядом.

– Ни при каких обстоятельствах. Мы. Не пойдём. Через дворы.

Пятый несколько растерялся, а потом обиделся и сбросил руку:

– Ты чего взъелся?

Второй отвернулся, ссутулился и промолчал. Пятый недовольно посмотрел ему в спину.

– Тогда прямо пойдём.

Второй убрал руки в карманы. Видно было, что никакой вариант его не устраивал. Он бы сейчас с радостью оказался бы где-нибудь ещё. Но он взял себя в руки и медленно спустился по лестнице. Пятый понял, что потерял инициативу.

Второй нарочито шёл посреди дороги. Видно было, что ему это непривычно, пару раз его сносило к обочине, но он силой возвращал себя обратно. И старался смотреть строго прямо. Пятый решил не вдаваться в его чудачества и поглядывал по сторонам.

Здание за дырчатым забором оказалось вполне себе уютным и, судя по качелькам-каруселькам – детским садом. Правда, давным-давно закрытым.

Справа между домами образовался проезд, ведущий куда-то вглубь микрорайона. Пятый насчитал в ряду шесть корпусов, потом бросил эту затею.

Слева пустое пространство оттеснило здание от дороги с неведомой целью. Невысокое четырёхэтажное здание, крашеное нелепой канареечно-жёлтой краской, из-под которой

проступал розовый колер...

– Что за чёрт?

Второй повернулся, скрючив руки наподобие когтей. Пятый потыкал рукой в голую и высохшую улицу:

– Здесь только что всё было зелено. Густые такие деревья – весь тротуар закрывали. И хорошо так, прохладно. И вода журчит.

Второй с усилием разжал руки и произнёс с горечью:

– Раньше весь город был таким.

И резко прибавил шаг.

Через пятьдесят метров они вышли на перекрёсток. Пятый с удивлением ощутил под ногами относительно свежий асфальт. Да и сам проспект явно носил следы ухоженности – во всяком случае, трава на разделяющем газоне ещё была зеленовата, а ёлки...

– Не ёлки, арчи – вмешался в его мысли Второй.

Арчи явно не так давно подстригали, придавая им форму волчка. Пятый оглянулся, ища Второго. Тот сидел посредине перекрёстка, возле ливневой решётки и мрачно шевелил скулами. Ветер усилился и теперь отросшие волосы веяли над головой степным ковылём. Горьким, редким и также присыпанным пылью.

Пятый подумал, что надо бы поинтересоваться.

– А куда мы, собственно, идём?

Второй помолчал, потянулся назад, достал из бокового кармана рюкзака стебелёк душистой травы, прикусил и за-

думчиво прищурил глаза.

– На выход из города. На какой-нибудь из семи, про которые я знаю. Но к ним ещё надо пройти. При этом то и дело происходит что-то непонятное. Причём в тех местах, где оно должно произойти.

– Что ты имеешь в виду?

Второй поднялся, отряхнулся и перешёл под куцую тень от дерева. Места там было маловато, так что ему пришлось искать место между ветками, куда он бы полностью влез. Стебелёк он выплюнул и теперь задумчиво обрывал узкие полоски шелушащейся коры.

– В тихом омуте черти водятся. В городском озере под мостом, говорят, утонуло несколько мотоциклистов. Власти даже потом в это место бетонную пробку всадили – чтобы никому прыгать неповадно было. Слева был Нижний парк. Хорошо оборудованный парк культуры и отдыха. Карты, американские горки, замок маленький со рвом. Летний кинотеатр, прочие удобства помельче. Прекрасное место для культурного отдыха, верно?

Пятый вспомнил, как он бежал между деревьями, убегая от паутины, и его передёрнуло. Второй невесело улыбнулся:

– Вот поэтому мы той дорогой и не пошли. Там километра полтора по извилистому серпантину. И всюду – крутой склон вниз. Но уже без ограждений. Нас бы стянуло вниз – с третьей или четвёртой попытки. Но утянуло бы точно – к гадалке не ходи.

– И что было бы дальше?

Второй состроил ещё более невесёлую улыбку:

– У нас нет подопытной обезьянки, чтобы это проверить.

А проверять самому – я давно не герой.

Пятый подумал. У него было много вопросов, но Второй вряд ли на них бы ответил. Хотя бы потому, что не знал удовлетворительного ответа. Пятый перебрал весь список и задал завершающий вопрос.

– Тогда куда мы сейчас?

Второй вылез из-под дерева и сощурился, попав под солнечные лучи.

– Ну влево нам точно не надо. Слева будет военная часть, справа – жилой массив. Через пару кварталов начнётся частный сектор, и в итоге мы опять упрёмся в железку.

– Ну и прекрасно. Там вроде какие-то поля были.

– А за ними глухомань непроглядная даже в более-менее живые времена – Второй как отрезал.

Впрочем, Пятый достаточно давно его знал, чтобы понять, что это направление Второй почему-то очень боится. И боится давно.

Второй вздохнул и продолжил:

– Прямо – между военчастью и больничным городком. Далее за стадион влево и вниз. Если никуда не дернёт, можно выбраться к определённом историческому... – тут Второго опять заклинило и он широко расставил руки, пытаясь вспомнить последние сказанные слова.

Пятый с сомнением смотрел прямо. Два параллельных забора немного забирали вправо, выгибаясь дугой, чтобы через километр уйти вниз по холму.

– А если влево?

– Дальше по протоколу? Жилые и общественные здания. А сразу за Домом Быта начнётся промышленный район. И чисто гипотетический выход за пределы города.

– А почему гипотетический?

– Потому что нам один раз уже не дали до него дойти. И места там глухие. Да сам увидишь.

– Бред какой-то. Я о том, что вокруг происходит.

Второй помолчал, зажёвывая очевидную фразу.

Пятый подавил в себе вспышку глухого раздражения и повернулся так, чтобы не видеть Второго даже краем глаза. Под таким палящим солнцем залезть даже под полосатую тень было весьма неплохой идеей. Вот только где ж её взять, если по газонам ногами не ходить? Разве что под козырьком у какого-нибудь здания.

На площадке стоял огромный остановочный павильон – весь насквозь застеклённый удивительно чистым стеклом, за которым виднелись составленные попарно скамейки. Хорошее место для того, чтобы дождаться своего автобуса.

За остановкой угадывалась стенка подземного перехода. При совершенно пустой дороге это было как-то...

– Ты там долго?

Пятый резко повернулся, в глазах мелькнули цветные

пятна. Он заморгал, дожидаясь, пока не проступят слёзы. Второй стоял рядом и расфокусированно смотрел ему куда-то за спину.

– Пойдём или как?

Пятый криво кивнул и повернулся обратно. Там всё было по-прежнему – странное угловатое трапециевидное здание, чья передняя часть была почти полностью забрана синими стеклянными квадратиками. Слева и справа от этого... окна, угадывались две лестницы, одна – парадная, вторая, сбоку здания – запасная.

Подчёркивая важность здания, её полукругом обхватывало пустое пространство, ограниченное массивными поручнями, расцепленными в нескольких местах, чтобы дать место пешеходным дорожкам.

Через дорогу всё так же стояло какое-то заброшенное двухэтажное здание с изуродованным высоким забором. Видимо, когда-то он был просвечивающим, но потом кто-то решил, что грубый шлакоблок с неровными мазками бетона будет выглядеть лучше, чем то, что было видно через забор. Пятый посмотрел поверх забора – там торчало несколько древесных верхушек.

Он вспомнил, что надо было куда-то идти. И пошёл. Скоро рядом оказался Второй. И что странно – хоть проспект (для улицы дорога была широковата, да и массивный газон между полосами всё-таки) и был совершенно прямым, Пятый не мог разглядеть подробности дальше квартала.

Идти было сильно неудобно – внутри всё ещё сидела дрожь от недавних происшествий. Пятый покопался в памяти и сказал в пространство:

– Ты говорил – идти по протоколу? Что это значит?

Секунд через пять сбоку раздался звук лопающегося пузыря – Второй пришлось напрячься, чтобы расцепить слипшиеся губы.

– Когда наступила независимость, у верховной власти появилась потребность регулярно осматривать владения. Но поскольку новая власть хочет видеть блеск, а не нищету, она предпочитает осматривать только положительные отрезки. Поэтому оставшиеся силы благоустройства стягивались к этой оси.

Чувствовалось, что Второму совсем не хочется говорить, но он вынужден. Иначе будет ещё противнее.

– Неужели так часто наезжала?

– Раза три-четыре в год.

– Как-то многовато для небольшого города.

– Просто здесь один аэропорт на всю округу. Что, впрочем, не мешало верховной власти регулярно по приезду ночевать на партийной фазенде тут неподалёку.

– В твоём голосе слышится предубеждение. Он тебе чем-то насолил.

Второй резко остановился, будто налетев на стену. Сжал кулаки и с усилием сглотнув комок, он неприятным голосом сказал:

– Я не хочу об этом говорить.

Пятому сделалось немного стыдно – он явно угадал в больное место Второго. Такое уже не раз случалось – при нём можно было часами говорить на провокационные темы, и Второй даже ухом не вёл, но иногда взвизывался на ровном месте, когда его и пальцем не трогали. Пятого этого вначале раздражало, потом стало несколько забавлять. Несинхронизированный ассоциативный ряд. Хорошее словосочетание, которое он когда-то вычитал в какой-то умной книжке.

Справа всё так же тянулся невнятный забор, прерываемый зданиями официального вида. Но из-за широких клумб и тротуара он как-то терялся и выглядел уже скорее логичным разделением между районами, чем средством ограничения пространства. Но смотреть в ту сторону всё равно почему-то было неприятно.

С другой стороны всё было несколько повеселее – там стояли жилые дома и из каждого то и дело торчал широкий вход, явно не предусмотренный начальной конструкцией. С широкой лестницей и общим изменением придомовой земли – решётчатые заборы, плитка, фонари...

Второй посмотрел в ту же сторону:

– Эпоха первоначального накопления капитала. Уж не знаю почему, но она всегда начинается с открытия точек общепита и ларьков с товарами. Эдакие первые сигналы капитализма. А поскольку их внедрение не предусмотрено окружающей обстановкой, её приходится адаптировать силой.

Многие стопорятся ещё на этом этапе. Но некоторые пробиваются до торжественного или не очень открытия. Но тут возникает проблема – на одно заведение приходится от силы десятков посетителей. Времена-то смутные, у населения не очень с финансами и есть оно предпочитает дома. Но в бизнес-плане дельца такого не предусмотрено. Хотя бы потому, что о существовании такого документа он чаще всего даже не подозревает. Поэтому он разоряется. Рано или поздно, но неизбежно. На его обустроенное место приходит другой, открывает свою кафешку или магазинчик, после чего тоже разоряется. А если нет – его успешному примеру следуют, открывают неподалёку нескольких клонов и разоряются уже кучкой, потому как один покупатель двух торгашей не вынесет.

Пятый представил себе эту картину и улыбнулся. Второй продолжил:

– Мда. Конечно, со временем нарабатывается некий социально-инфраструктурный гумус, на котором растут уже многолетние экономические единицы, но шрамы от первых попыток колонизации ещё долго торчат из пейзажа. Особенно в малолюдных местах.

Пятого раздражала эта его черта – Второй иногда комментировал то, о чём его не спрашивали. И часто не отвечал на вопросы, даже заданные прямо.

Забор слева неожиданно отпрыгнул назад и даже потрундился выдавить из себя что-то вроде ворот. А перед ним раз-

леглось то, что заставило его так прогнуться – упавший бетонный комод явно общественного здания. И архитектурные излишества на фасаде только подчёркивали это впечатление.

Второй продолжал трепаться:

– Самое неприятное, что после первого этапа распределения капитала у его носителей начинается потребность в окультуривании самих себя. Доморощенное меценатство с прицелом на дальнейшую прибыль. На этом этапе сыпется оставшееся большинство, потому как настоящий покровитель искусств формируется не ранее второго поколения. В худшем случае коммерция разрывает свою культурную оболочку и выглядит оттуда особо мерзко. В другой крайности – коммерция выглядит столь убого на фоне своего симбионта, что дела в принципе не могут задаться. В большинстве этот союз не скрывает своей вынужденности, и по мере нарастания благосостояния разделяется и возвращается к первоначальным целям. Вот в этом, здании, например, был ресторан. Говорят, очень даже приличный. В нём культурно отдыхала вся всплывшая пена города. Его потом долго и трудно оттуда выдавливали. И в борьбе единства противоположностей дитё выплеснули вместе с купелью. Ресторан не имел других конкурентных преимуществ, кроме как культурного местоположения. Хлеба и зрелищ, так сказать. А театр – это такое культурное явление – может существовать только при определённом уровне материальных излишеств. В общем, он надолго порузился в полураз...

– А там прохладно? – от пустопорожного разглагольствования Второго уже начинало свербеть под черепом.

Второй приостановился, почесал в затылке:

– Если никто окна не забыл закрыть – приемлемо.

– А давай зайдём, а то от жары уже голова раскалывается.

Посидим, переждём?

– Ну попробуй, а я за тобой.

Пятый поднялся по цементным ступенькам, прошёл мимо бетонных клумб, об которые так удобно биться коленом и двинулся к центру здания, где между витринными стёклами были зажаты входные двери. Даже слишком узкие для такого помпезного фасада.

Холл был пуст. Гранитные полы с непонятным узором не помешало бы протереть, шторы, прикрывающие гардеробную от посторонних глаз – постирать, а фотографии и зеркала на стендах – обновить. Но в целом было лучше, чем можно было ожидать. Он оглянулся назад – в спину светило слишком яркое солнце. Можно было спрятаться от него за одной из колонн, но это была бы полумера. Можно было забраться и поглубже.

Боковая высокая железная дверь в служебные помещения как-то не привлекала. А вот сдвоенные двери в зал выглядели перспективно – они наверняка хранили темноту и прохладу. Пятый с усилием потянул на себя створку и она нехотя, но бесшумно подалась. Он тихо вошёл внутрь, осторожно подтянув за собой дверь.

Зал был полупустой, а свет ещё не был погашен – значит, ещё ничего не началось и тех, кто на сцене, можно не стесняться. Он поискал глазами место получше, но всё, что ему нравилось, уже было занято. Осторожно ступая по скрипучему паркету, он пристроился с краю ряда. Но едва он разместился так, что было если не удобно, то хоть терпимо – (маленькое красное кресло было со слишком шершавой обивкой, а с узких деревянных подлокотников руки соскальзывали обратно на ноги), его тут же согнала группка сварливых дамочек. Протиснуться мимо него им было никак, поэтому пришлось встать.

Он должен был выйти на сцену, из-за него не начиналось действие. Он плохо помнил роль, без грима было не обойтись, но без костюма было никак. Костюмер опять не донёс его до гримёрки, оставив висеть на раскрытых дверях, отделяющих цеха от администрации. Возвращаться длинным путём было бы слишком глупо. Да и по ближней лестнице выйти не в роли – значит разрушить образ. Но если... покинуть здание сразу и войти вновь с главного входа? Войти как все, и в полутьме пройти на сцену. Это не позор, это смелое решение, единство человека и народа...

Он потянулся, чтобы дотянуться до верхней ручки окна. Рама набухла и открылась лишь после сильного рывка. Он подобрал фалды сюртука, чтобы не испачкать его чёрное сукно, выдохнул и вымахнул из окна. Бетон боковой площадки надвинулся и больно ударил в неудобные подошвы

реквизитной обуви.

Обтряхиваться было уже некогда, спектакль вот-вот мог сорваться, если уже не...

Пятый понял, что в упор смотрит в чьи-то нарисованные глаза. Они были чёрно-белые и без конкретно выраженной мысли. Точнее, мысль была, но вот уверенно её сформулировать он бы не взялся.

А ещё у него болела ушибленная нога.

Пятый отхромал на пару шагов, и стало видно, что глаза принадлежат женщине средних лет в платке со слегка приоткрытым ртом. Она была нарисована на большом куске фанеры, воткнутом на место разбитого окна. На скромных дверях, как-то теряющихся на фоне витражных окон во весь фасад, висел квадратный амбарный замок. Двери давно не крашили, а витражи были в трещинах от давних повреждений.

– Отдыхаешь? – поинтересовались сверху. С края крыши свешивалась чья-то взлохмаченная голова.

– Просто курорт. Не хочешь присоединиться?

– Да уж стоило бы.

Голова утянулась за обрез. На крыше липко защёлкало. Позже застучали подошвы по металлу вместе с невнятным шипением – прогретая солнцем пожарная лестница была восхитительна на ощупь.

Пятый дохромал до края здания и заглянул за поворот. Чтобы добраться до входных дверей, Второму пришлось спуститься по лестнице чёрного хода и перелезть через стоп-

ки уложенных друг на друга бетонных плит. Такими же была выстлана прогулочная набережная у озера. Но зачем они были нужны здесь, где всё было забрано в асфальт и цемент?

Второй проследил взгляд Пятого и развёл руками:

– Сколько помню, они здесь лежат. Не пройти, не проехать. Так-то не важно, а вот если праздник... обходить с плакатом было очень неудобно. Приходилось подавать снизу, а это такой весёлый гембель – навязывать лозунг по сапогу да под ветерок. Мда.

Второй нервно отряхнулся – спереди он был густо измазан белёсой пылью. От него поднялось едкое облачко. Запах был настолько резким, что Пятый несколько раз чихнул.

– Ну хоть что-то не изменилось. Пыль массовой культуры всё так же отравляет попавший в неё организм. Ну, двинули? Или ты хочешь посмотреть ещё один спектакль?

Пятый оглянулся на нарисованную женщину.

– Да ну лесом! В жизни не видел более бестолкового представления.

Они спустились по широким ступеням на удивительно чистый тротуар. Даже канавы выглядели настолько чисто, будто их тщательно прометали каждый день. Второго это обстоятельство почему-то не удивляло.

За дорогой, под раскидистым деревом стоял павильончик. Пространство вокруг него было окружено условным заборчиком. У задней стенки павильончика стояли ящики со стеклотарой. За столиками никого не было – время перерыва ещё

не наступило. Но если подойти и сесть за столик, можно заказать что угодно. Хоть прохладный лимонад в стеклянной бутылке, хоть мороженое, а для людей постарше – пиво и шашлычок. И всё это неторопливо есть под шум текущей воды, шуршание огромных листьев над головой под неторопливый говор почтенной публики вокруг...

Пятый потряс головой, отгоняя назойливое видение. Они отошли от странного здания с пироговой сеточкой на месте второго этажа. Сбоку у здания обнаружилось ещё несколько дверей. Особо глаз царапала двойная дверь, обитая мерзким лиловым дерматином, начинавшаяся сразу за поворотом. Пятый положительно не мог понять, зачем этому странному зданию, во-первых, вклиниваться в жилой район, а во-вторых – зачем ему так много дверей?

Они перешли переулочный перекрёсток, ведущий куда-то вглубь жилой зоны и зашли за дом, как вдруг Второй остановился.

– Погоди-ка.

Он похлопал себя по карманам, достал из резервного кармана банкноту и уверенно вошёл в дверь, почему-то находящуюся на месте окна. К двери вела грубая цементная лестница без всякого намёка на перила – грубая неуместная самоделка, сделанная гораздо позже самого дома. Конечно, тот не блистал красотой, но эта приступка выглядела бородавкой на его облупленном корпусе. Видимо, один из тех самых уродливых клонов более удачливого собрата.

Оставшись один, Пятый заскучал. Смотреть направо было небезопасно – там сидел чересчур заманчивый мираж. Слева переулочек разветвлялся. Правая ветка сразу обрывалась в ближайшем дворе, левая же тянулась до выжженного пустыря, из которого торчали несколько обгрызенных до основных веток деревьев. Пустырь был слишком большим для обычного дворового пространства. Возможно, раньше это был сад. Но кому и зачем нужен сад посреди многоквартирных жилых домов?

Через пять минут Второй вышел обратно. Он был раздражён, но без особого акцента – видимо, ему потрепали нервы, но он добился того, чего хотел. В руках у него было две светло-зелёных бутылки.

– Валюту они, видите ли, не принимают. Президент, видите ли, не велит. – Второй хотел добавить что-то ещё, но сдержался.

Внутри оказалась минералка. Шипучая, холодная и вкусная даже без допуска на жажду и жару. Пятый принял поллитра в организм, вылил ещё столько же сверху и понял, что жизнь, в общем-то, не так уж и плоха.

Второй явно думал так же.

Пятый ещё немного добавил и с сожалением убрал остатки воды в рюкзак.

– Слушай, а может, у него спросить, что тут происходит? Если он тут торгует, наверняка знает происходящее.

– Он не знает, что за здание расположено по соседству, а

ты у него хочешь обстановку узнавать.

– А, кстати, что это за здание?

– А сам ты как думаешь?

– Не знаю. Там точно был зрительный зал и подсобные помещения. Дом Культуры или театр. Только маленький.

– Театр-театр. Если быть точным, драматический театр имени Пушкина. Достаточно занимательное здание, хоть внутри, хоть снаружи. Главное – не забираться глубоко в кулисы и не падать в яму.

– Оркестровую?

– Декорационную.

– Дай-ка угадаю. Ты здесь работал?

– Да. Случайно и недолго. Видимо, меня поэтому понесло ставить флаг к празднику. Повезло, что не успел.

С каждой минутой Второй становился всё более и более словоохотливым. Видно, он много носил в себе и теперь, при направленном стрессе, его начинало прорывать. Пятого это вполне устраивало. Во-первых, было не так страшно. Во-вторых – Второй знал явно больше, чем говорил. А единственный известный Пятому приём вытягивания информации – не мешать собеседнику говорить.

– Кстати, про эту лавочку. Это тоже своего рода социокультурный феномен. При всей своей неизбежной убыточности они продолжают существовать ещё долгие годы. Потому что человек, который её содержит, должен быть при деле. Это придаёт его существованию смысл. Вопреки всем

внешним сигналам. Это его ороговевший кокон, из которого его можно вытряхнуть только точечной бомбардировкой. Но ненадолго – вне кокона такой отшельник долго не живёт. Впадает в отчаяние и быстро умирает. Но сам феномен имеет свои достоинства – например, он формирует некоторый островок стабильности, вокруг которого потом нарастает более конкретная польза. Как щепочка в качестве основания для клубка. – Второй выпустил лишний газ носом и допил остатки воды.

Подождав, пока вода усвоится, путники пристроили на спины свои рюкзаки и двинулись дальше. Общее настроение повысилось, и трудности передвижения по бестеневым улицам под палящим солнцем пока ещё не сильно давили на мозг. Вопрос был в том, как надолго это ощущение относительного комфорта продлится.

Следующие дома выглядели всё более похлывыми и вдавненными в землю. Им всё труднее было продолжаться вперёд, образуя благоустроенный проспект. Последний дом так и не смог вырасти из земли – вместо очередной многоквартирной стены торчал длинный и узкий полутораэтажный бетонный павильон непонятного назначения. Так и не испачкавшееся белое покрытие скрадывало его очертания. Пятый прищурился, но не смог определить, где у павильона начинается подъёмный пандус – он был как-то хитро замотан вокруг здания, всё время куда-то ответвляясь и выдавливая из себя ровные площадки.

Второй прошёл мимо павильона безо всяких комментариев, поэтому Пятый не стал задавать уточняющих вопросов.

На павильоне проспект наконец-то прервался на нормальный боковой съезд. Он закладывал дугу и поднимался на холм, обхватывая весь район. А за съездом, продолжая проспект, стояло здание, своим весом отодвинувшее начало холма. От пешеходных дорожек его отделяло огромное бетонное крыльцо, больше смахивающее на набережную – потому как была она вымощена знакомыми плитами зелёного камня и имела мощное полуметровое ограждение. Вся эта конструкция была поднята на добрых четыре метра от земли – будто архитекторы зачем-то решили придать зданию облик маяка.

Но тогда впечатление портили боковые ворота в здании на уровне цокольного этажа. Затапливаемый маяк – это как-то неправильно.

Пятый потихоньку начинал понимать стиль построения местной архитектуры. Чем важнее было здание, тем дальше оно отстояло от проезжей части, маскируясь и декорируясь насаждениями и архитектурными излишествами. То ли старалось выглядеть помягче, то ли стремилось дать лишние рабочие места тем, кто будет все эти излишества обеспечивать.

В родном городе Пятого, где все здания плотно жались друг к другу, а официальные здания носили следы приспособленчества, такого не наблюдалось. Конечно, там крупные здания тоже старались обособиться и отодвинуться от

остальной суеты. Но всех их потуги в лучшем случае создавали буфер между ними и остальными. Не было плавности перехода от конкретной собственности к общественности.

Особенно это казалось новостроек, у которых декоративное пространство было сведено к минимуму. По такой классификации они вообще не тянули даже на малое уважение.

Пятый к ним так и относился.

Он хотел поделиться этими мыслями со Вторым, но постеснялся. По его прикидкам, здание выходило важности средней руки – оно имело изрядное архитектурное излишество и немаленькую клумбу перед нею. Но не образовывало улицу, а было на ней расположено.

Кивнув на здание, Второй сообщил.

– Дом Быта. Здание могучее, но с изменением цивилизации совершенно утратившее свое значение. Большое, но сравнительно безопасное.

Пятый пожал плечами. В данный момент здания этого города интересовали его только с точки зрения предоставления открытого тенька. Он уже усвоил, что тенёк в замкнутом пространстве здесь небезопасен.

Путники перешли дорогу и взяли ближе к зданию, благо под самым крыльцом проходила узкая заасфальтированная дорожка. Здание не прикрывало их от солнца, но давало некоторое ощущение подавляющей защиты от чего-то очень большого. От цунами, например.

Ограждение постепенно начало спускаться и преврати-

лось в лестницу. Через три метра ограждение вновь начинало подниматься вместе с ещё одной лестницей и тянулось дальше. Видимо, кому-то зачем-то надо было разделить поток посетителей, при этом не оскорбляя их чувств.

Тут Второй резко остановился и Пятый по инерции обошёл его. Ограждение опять опускалось, показывая широкую, во весь бок крыльца, лестницу. А сразу за заасфальтированной площадкой перед лестницей и вытопанного пустырька начинались деревья. Сухие, с длинными ровными стволами. С густо переплетёнными кронами, начинавшимися метрах в пять от земли. Смутно ему знакомые. И сильно ему не симпатичные.

Пятый сделал несколько шагов назад, чтобы ограждение закрывало его от деревьев. Ощущение смутного беспокойства резко ослабело, но не исчезло полностью. Пятый тронул Второго за плечо.

– Думаю, это твоя фраза – но глухие это какие-то места.словно цивилизация где-то здесь и заканчивается. А дальше только трущобы.

– Не надо так пессимистично. Цивилизация здесь отнюдь не заканчивается. Она просто принимает другой облик. Там дальше огромный гаражный комплекс, прерывающийся на разрозненные цеха городского обслуживания, спрятанные за густыми зарослями. Хотя да, места действительно глухие и диковатые. Для чужих. А они здесь не ходят.

– А мы пройдем?

– Ну мы же не чужие, верно? Ты совсем чужой, я совсем не. Суммарно получается положительно.

Пятый промолчал, хоть и был уверен, что на этот раз Второй ляпнул глупость на уровне арифметики. Или логики.

Отвлечённые доказательства не были его коньком.

Второй прищурился, изучая кусок дороги у перекрёстка, видневшийся из-за лестничного ограждения. Видно, он не хотел выходить из-за укрытия на открытую дорогу. Пятый вполне его понимал – здание больше смахивало на волнолом, надёжно прикрывающий своих малорослых собратьев от невидимых, но разрушительных волн. Впечатление усиливали высокие окна, выдававшие высокие потолки каждого этажа.

– Здесь вообще-то граница парка проходит. И мне это не нравится. Идти вдоль него придётся достаточно долго. Может опять ухватить. И сильно вправо забирать тоже не стоит – там заплутать можно только так. Да и кто его знает, что там сейчас происходит?

– Что страшного может быть в гаражах? Страшно может быть только за ними.

Второй вежливо улыбнулся, демонстрируя, что оценил шутку юмора.

– А ты ходил по длинным гаражным рядам? Они все наглухо заперты и почти одинаковы – отличается лишь цвет ворот и форма навесного замка. Редко-редко встречается пустая нора, из которой кто-то вынес всё, оставив только бе-

тонную коробку с дырой в полу. Они вполне могут замкнуться в короткую бесконечную ленту. А у меня плоховато с акробатикой, чтобы забраться наверх и уйти по крышам.

Пятый представил себе картину, отвернулся и сплюнул, чтобы избавиться от приступа отвращения.

– Не плюйся где попало – не верблюд.

– А где мне плевать?

– В положенных местах.

– В урны, что ли? Где ты их тут видел?

Второй невесело улыбнулся.

– Это да. До ближайшей урны идти минут десять в любую сторону. Культурным здесь оставаться трудно – Второй хотел сказать ещё что-то не особо осмысленное, но поймал себя и резко замолчал.

Повисла пауза. Пятый поковырял носком ботинка растрескавшийся асфальт.

– А если не смотреть в его сторону?

– В чью сторону?

– Ну в сторону парка этого засохшего.

– Это как? Боковым прискоком? Устанешь так целый километр скакать.

Повисла неловкая пауза. Пятый потоптался на месте, после чего снял рюкзак и принялся обшаривать боковые карманы.

– Во!

Второй повернулся к нему, заранее скептически припод-

няв одну бровь.

Пятый держал в руках мятую кепку. Ходить в такой жаре, да ещё в этой халабуде – только лысиной преть. Но он всё-таки её не выбрасывал – на всякий случай. Пятый встряхнул кепку, надел набекрень и сдвинул козырёк так, чтобы полностью перекрыть обзор левому глазу.

Второй в сомнении пошевелил носом.

– Не панацея, конечно, но может сойти. Второй у тебя не найдётся?

– Откуда?

Второй подумал, снял рюкзак и полез в глубину. На свет показались фланелевые подштанники, запасной рулон туалетки в двойной упаковке – искомое находилось глубоко, иначе бы такие подробности быта не всплыли бы в общественном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.